

EDN: DORUTO
УДК 339.3

**ORGANIZATION OF THE SUPPLY OF GOODS TO AGRICULTURAL
PRODUCERS IN SIBERIA IN THE 1930S**

Lyudmila E. Marinenko*

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 05.06.2023, accepted 08.06.2023

Abstract. The article is devoted to the study of the organization of supply of agricultural producers in Siberia in the 1930s. Based on the study of a complex of historical sources, it was established that one of the tasks of trade and supply in the 1930s was the material stimulation of agricultural products. The paper identifies the causes of interruptions in the supply of goods to producers of agricultural products. The article concludes that the volume of the commodity mass intended for these purposes could not fully satisfy the demand of the rural population for consumer goods.

Keywords: supply, trade, rural population of Siberia, contracting, grain procurement.

Citation: Marinenko, L. E. (2023). Organization of the Supply of Goods to Agricultural Producers in Siberia in the 1930s. In: Trade, service, food industry. Vol. 3(2). Pp. 130-140. EDN: DORUTO

**ОРГАНИЗАЦИЯ СНАБЖЕНИЯ ТОВАРАМИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В СИБИРИ В 1930-Е ГГ.**

Людмила Евгеньевна Мариненко*

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию организации снабжения производителей сельскохозяйственной продукции в Сибири в 1930-е гг. На основе изучения комплекса исторических источников установлено, что одной из задач торговли и снабжения в 1930-е гг. было материальное стимулирование заготовок сельскохозяйственной продукции. В работе выявлены причины перебоев в снабжении товарами производителей аграрной продукции. Сделан вывод, что объем товарной массы, предназначенной для данных целей, не мог в полной мере удовлетворить спрос сельского населения в товарах народного потребления.

Ключевые слова: снабжение, торговля, сельское население Сибири, контрактация, хлебозаготовки.

Цитирование: Мариненко, Л. Е. Организация снабжения товарами производителей сельскохозяйственной продукции в Сибири в 1930-е гг. / Л. Е. Мариненко // Торговля, сервис, индустрия питания. – 2023. – № 3(2). – С. 130-140. – EDN: DORUTO

Введение. В годы первых пятилеток в СССР аграрная политика государства была подчинена целям форсированной индустриализации. Перераспределение ресурсов из аграрного сектора в промышленный, обеспечение стабильного дохода от экспорта продукции сельского хозяйства способствовали решению задачи быстрого наращивания военно-промышленного потенциала страны. Выполнение государственных планов заготовки сельскохозяйственной продукции было основано на применении принудительных и стимулирующих методов. Изучение аграрной истории 1930-х гг. представлено исследованиями В. А. Ильиных [1], И. Е. Зеленина [2], В. Б. Лапердина [3]. Особый интерес для историков представляют цели, методы осуществления и результаты аграрной политики, отношений государства и крестьянства в период коллективизации, социально-экономического развития деревни. Многие вопросы, представленные в научных трудах, до сих пор остаются дискуссионными. Значительный вклад в изучение указанных тем вносят региональные исследования, которые вводят в научный оборот не опубликованные ранее материалы, выявляя специфику развития аграрного сектора в отдельных частях страны.

Материалы и методы. Данное исследование опирается на опубликованные и неопубликованные документы сибирских архивов, материалы периодической печати, источники личного происхождения. При работе над научной статьей были использованы принципы объективности, историзма, детерминизма, а также системный подход, методы анализа и синтеза, сравнительно-исторический метод. Целью исследования является изучение организации снабжения товарами производителей сельскохозяйственной продукции в Сибири в 1930-е гг.

Полученные результаты. В конце 1920-х–1930-е гг. процесс заготовки аграрной продукции в Сибири проходил на основе урало-сибирского метода [4] и контрактации. Урало-сибирский метод представлял собой распределение обязательств по выполнению государственного плана хлебозаготовок среди регионов, а далее среди конкретных крестьянских хозяйств. Договор контрактации – соглашение между сельскохозяйственной кооперацией, действующей по заданиям государства, и объединениями крестьян. Заключая договор контрактации, хозяйства принимали на себя обязательства по выполнению заказа государства на производство продуктов сельского хозяйства. Контрактующие организации, в свою очередь, обязаны были выполнить заказ объединений на обеспечение их средствами производства, предметами потребления в пределах планов снабжения сельских поселений, организовать агротехническое обслуживание крестьянских хозяйств, их производственное кредитование, а также оказывать им организационное содействие в осуществлении установленных договором мероприятий [5]. Важную роль в процессе контрактации играла потребительская кооперация, которая выполняла функции посредника между производителями и заготовителями сельскохозяйственной продукции, о чем говорилось в Постановлении Совета народных комиссаров 1930 г. «О мерах по улучшению работы потребительской кооперации»: «Народный комиссариат внешней и внутренней торговли Союза ССР должен обеспечить широкое использование низовой сети потребительской кооперации в контрактации и централизованных заготовках продовольственных продуктов» [6].

Обратим внимание, что условия договора контрактации подразумевали использование стимулирующих методов для обеспечения заготовок, в том числе за счет обеспечения сельских жителей товарной массой при условии выполнения обязательств. Данные договоры с плановыми показателями утверждались решением собрания сельсовета конкретных населенных пунктов, а затем нормы заготовок распределялись среди крестьянских дворов. В фондах ГАКК имеются протоколы пленумов сельсоветов, собраний колхозников и единоличников восточносибирских деревень с

вышеуказанными планами [7]. Содержание протоколов данных собраний в материалах архивных документов предельно лаконично: указан предмет договора (наименование и количество продукции) и имеется отметка, что решение принято большинством голосов присутствовавших на собрании, сведения о дискуссиях при обсуждении данных вопросов отсутствуют.

Нормы заготовок через систему контрактации закреплялись в государственных нормативных правовых актах, в т. ч. Постановлениях Коллегии Народного Комиссариата Снабжения СССР. Чтобы охарактеризовать содержание подобных подзаконных актов, возьмем в качестве примера Постановление Коллегии Народного Комиссариата Снабжения Союза ССР от 19.08.1931 г. «Об организации новой скотозаготовительной кампании (с 1.X.1931 г. по 1.I.1933 г.)», в котором было сказано, что заготовку скота у колхозников и единоличных бедняцко-средняцких хозяйств по планам IV квартала 1931 г. и 1932 г. следует производить в основном путем контрактации, охватив при этом к договорами не менее $\frac{2}{3}$ плана. В распоряжение заготовительных организаций должно было быть выделено: 70 млн рублей для денежного авансирования контрактации крупного рогатого скота, свиней, баранов и телят и 30 млн рублей на контрактацию птицы, кроликов, оленей и мясных продуктов охотничьего промысла; промышленных товаров на сумму 125 млн рублей для снабжения сдатчиков скота: колхозов, колхозников и единоличных бедняцко-средняцких хозяйств; 3 млн центнеров хлеба для снабжения сдатчиков скота (колхозов, колхозников и единоличных бедняцко-средняцких хозяйств) кочевых скотоводческих районов; 1.550 тыс. центнеров концентрированных кормов для снабжения нуждающихся в кормах свиноводческих, колхозных, товарных ферм при заключении договоров о контрактации. Отпуск товаров сдатчикам скота был установлен в зависимости от социально-правового положения крестьян: колхозам и колхозникам в размере 30%, а единоличным бедняцко-средняцким хозяйствам – 25% от стоимости сдаваемого скота [8].

План распределения промтоваров по республикам, краям и областям для премирования сдатчиков скота на заготовительную кампанию в период с 1.10.1931 г. по 1.01.1932 г. выглядел следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. План распределения промтоваров по республикам, краям и областям для премирования сдатчиков скота (в тыс. руб.) на заготовительную кампанию с 01.10.1931 по 01.01.1932 [9]

Table 1. Plan for the distribution of manufactured goods by republics, territories and regions for awarding livestock deliverers (in thousands of rubles) for the procurement campaign from 01.10.1931 to 01.01.1932 [9]

Наименование региона	В тыс. руб. по оптовым ценам
Ленинградская область	2.478
Московская область	4.322
Западная область	6.419
Уральская область	5.312
Нижне-Волжский край	7.186
Западно-Сибирский край	7.825
Восточно-Сибирский край	5.075
Дальневосточный край	822

Сопоставим представленные в таблице цифры с численностью сельского населения данных регионов в 1931 г. и получим, что на одного производителя

сельскохозяйственной продукции была запланирована отправка товаров в Ленинградской области на 70 коп., в Московской области – на 62 коп., в Западной области на 1 руб., в Уральской области – на 92 коп., в Нижне-Волжском крае – на 1 руб. 50 коп., в Западно-Сибирском крае – на 1 руб., в Восточно-Сибирском крае – на 2 руб., в Дальневосточном крае – на 72 коп. [10, 402-403]. Для сравнения приведем цены на товары в сибирском регионе: в указанный период рукавицы стоили 4 руб. 35 коп., ватный костюм – 27 руб. 33 коп, полушубок – 60 руб. [11]. Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что объем товарной массы, предназначенный для стимулирования заготовок мясной продукции, лишь в очень незначительной степени мог удовлетворить спрос сельского населения в товарах народного потребления.

Реализацию товаров сельскому населению под обязательства контрактации осуществляла торговая сеть регионов. В Постановлении Народного Комиссариата снабжения РСФСР от 8 октября 1931 г. было дано директивное указание ГОРТУ (Государственному объединению розничной торговли) с 15 ноября 1931 г. открыть при заготовительных пунктах, складах и базах отраслевых объединений Наркомата снабжения 600-700 торговых лавок по областям, краям, республикам. Через эти лавки происходила продажа промтоваров, выделенных для обеспечения товарной массой заготовок скота, птицы, яиц, молока и масла [12]. В основу нормативов распределения товаров среди сельского населения был положен принцип дифференцированного снабжения: колхозники, производившие заготовку сельскохозяйственных продуктов и сырья, могли получить товаров на 30-40% от стоимости сданной продукции, а единоличники – на 25-30% [13, 45]. Непродовольственные товары в первую очередь продавались колхозникам, и нормы продажи товаров, как следует из приведенных статистических данных, для них были установлены более высокие.

На региональном уровне нормы товарообмена подвергались корректировке. Например, в Красноярском округе в 1930 г. нормы выдачи товаров зависели от вида сельскохозяйственной продукции: при сдаче шерсти, молока, льна и пеньки товары выдавались в размере 30% от стоимости произведенной продукции, яиц – 20%, щетины, волоса – 15% [14]. Имели место случаи противоречивых директив местного руководства относительно норм снабжения товарной массой производителей. Так, на окружной партийной конференции Ачинского округа в 1930 г. один из докладчиков отметил: «Сначала была дана директива на места, что дефицитные товары отпускать молокосдатчикам на 50% от стоимости сданного молока. Когда это провели, то пришлось изменение, что отпускать дефицитные товары на 4% от стоимости» [15].

Реальное положение в системе снабжения Сибири товарами для контрактации позволяют оценить отклики сельского населения. В периоды голода и товарного дефицита 1930-х гг. крестьяне готовы были выполнять планы контрактации при условии получения взамен товаров народного потребления. Например, в беседе крестьян деревни Буланка Манского района нашли отражение подобные настроения: «Если бы нам давали ниток, иголок и других товаров, то мы бы вам стали контрактировать яйца сколько угодно» [16].

Трудности с обеспечением товарной массой заготовок сельскохозяйственной продукции стали хроническим явлением в указанный период. Исполненные крестьянскими хозяйствами обязательства не гарантировали получение ими необходимых товаров. По этому поводу житель села Шелаево Шиткинского района говорил: «Нас кругом власть обманывает. Кожу нужно сдать за 5 рублей и ничего не получишь» [17]. При таком положении вещей крестьяне не были заинтересованы в заключении договоров контрактации и надлежащем исполнении договорных обязательств, плановые показатели зачастую не выполнялись. Например, в одной из

статей в газете «Советская Сибирь» 1930 г. были опубликованы следующие данные: по состоянию на апрель 1930 г. в Сибири договорами контрактации зерновых культур было обеспечено лишь 49,7% от плановых показателей. Причем наиболее низкие темпы были отмечены в отношении единоличных хозяйств, где план выполнен лишь на 37% [18]. Уклонение от заключения договора контрактации и невыполнение договорных обязательств стало своеобразным пассивным протестом сельского населения против аграрной политики государства 1930-х гг., которая разоряла крестьян, обрекая их на полуголодное существование.

Необходимость обеспечить выполнение плана заготовок вынуждала работников потребительской кооперации продавать товары сельским жителям только в обмен на продукцию сельского хозяйства. В политических сводках ОГПУ о настроениях населения региона были отмечены случаи недовольства подобной практикой. Так, в докладной записке Канского окружного комитета ВКП(б) говорилось: «Общества потребителей такие предметы, как махорка, конфеты и др., стали отпускать только в обмен на яйца, щетину, волос, шерсть. Этот товарообмен послужил причиной того, что в деревнях можно видеть множество обстриженных кур, перо которых пошло на обмен, с обстриженными коротко хвостами и гривами лошадей и даже свиней с общипанной щетиной. Вся эта живность представляет из себя живое доказательство наличия товарного недостатка» [19].

В период сплошной коллективизации система контрактации наиболее важных видов продукции сельскохозяйственного производства была заменена системой обязательных государственных заготовок. Так, в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г. На основе закона от 19 января 1933 г.» говорилось, что «В отличие от прежних лет мы имеем в этом году не хлебозаготовки старого типа, проводившиеся на основе не вполне определенных контрактационных договоров с крестьянством, а зернопоставки, основанные на твердом и непререкаемом законе, обязательном к выполнению всеми колхозами и единоличниками. Это значит, что никакое уклонение от обязательств по сдаче зерна в срок не должно быть допущено ни под каким видом» [20].

Метод стимулирования заготовок всех видов сельскохозяйственной продукции товарным обеспечением использовался на протяжении 1930-х гг. Так, для обеспечения товарами сельского населения, участвующего в хлебозаготовках: для уборочной кампании в Красноярском крае в 1935 г. был выделен товарный фонд на 27738 тыс. руб. [21], а для посевной кампании 1936 г. на сумму 21889 тыс. руб. [22], что составляло 9% от розничного товарооборота 1935 г. и 5% от товарооборота 1936 г. [23]. Низкий удельный вес фондов, забронированных для хлебозаготовительной кампании, был связан с тем, что значительная часть товарных ресурсов в стране направлялась для обеспечения нужд индустриализации и наиболее важных народнохозяйственных сфер (в т.ч. лесозаготовок, золотопромышленности).

Товары промышленного производства, которые направлялись для данных целей, в отчетах местного руководства именовались как «дефицитные» или «планируемые». Например, согласно отчету о состоянии торговли Восточно-Сибирского края за 1933-1934 гг., в данный период для торгового обслуживания хлебозаготовок региона должны были отправить номенклатуру из 12-ти «планируемых товаров», в т.ч. хлопчатобумажные ткани, шерстяные ткани, платки, нитки, трикотаж, швейные изделия, кожаная обувь, галоши, мыло хозяйственное, мыло туалетное, махорка и папиросы [24].

Количество направляемых в сельскую местность товаров зависело не от численности населения определенных районов или потребности их в промышленных

товарах, в расчет брался лишь факт выполнения ими плана хлебозаготовок. В случае невыполнения взятых колхозниками обязательств руководство прекращало отправку в этот населенный пункт, район товаров. В сибирских архивах отложилось значительное количество директив руководства центрального и местного уровня с категорическим запретом заранее отправлять товары крестьянам в счет будущего урожая, а также административных взысканий местным руководителям, которые распределяли товарный фонд, не учитывая выполнения плана хлебозаготовок производителями. В их числе и критические замечания со стороны руководства Восточно-Сибирского края в адрес Заларинского райпотребсоюза, который отправлял больше товаров деревням, имеющим худшие показатели подготовки к севу, деревни с более высокими показателями получили меньший объем товаров [25].

Для торгового обслуживания колхозников в период сельскохозяйственных работ дополнительно создавалась полустационарная торговая сеть: ларьки, развозная и разносная формы торговли. Разносная торговля в регионе была представлена торговлей с лотков, в 1932 г. в Восточно-Сибирском крае 1 единица разносной торговли обслуживала около 100 человек сельского населения, участвующего в посевной кампании [26]. А развозная торговля Красноярского края в 1935 г. включала в себя 1172 единиц [27]. Использование данной формы торгового обслуживания особенно актуально было для тех населенных пунктов, где отсутствовала стационарная торговая сеть. В период уборочной кампании 1935 г. в Красноярском крае товарооборот для обслуживания сельскохозяйственных работ был запланирован в объеме 27738 тыс. руб., причем лишь 2168 тыс. руб. товарооборота приходилось на развозную торговлю [28]. Данные об обеспечении товарами сельского населения данной формой торговли представлены в табл. 2.

Таблица 2. План товарооборота развозной торговли на уборочную кампанию 1935 г. в Красноярском крае (в рублях, копейках) [29]

Table 2. The plan of commodity turnover of the delivery trade for the harvesting campaign of 1935 in the Krasnoyarsk Territory (in rubles, kopecks)

Наименование товаров	Количество товаров на одного колхозника в период уборочной кампании
Сахар	34 коп.
Кондитерские изделия	2 рубля 31 коп.
Махорка	49 коп.
Папиросы	83 коп.
Соль	17 коп.
Кожаная обувь	5 коп.
Мыло хозяйственное	35 коп.
Спички	26 коп.
Трикотаж	2 коп.
Литература и канцтовары	20 коп.

Данные позволяют сделать вывод, что развозная торговля не могла в полной мере удовлетворить покупательский спрос сельского населения в период сельскохозяйственных работ.

Для колхозов, перевыполняющих планы государственных поставок сельскохозяйственной продукции, выделялись товары, не предусмотренные номенклатурой товаров фонда хлебозакупа. Эти заказы удовлетворялись за счет фондов рыночного потребления и фондов Центросоюза [30]. При условии выполнения плана

хлебозаготовительной кампании колхозы за каждый пуд хлеба получали товаров на 35 коп., индивидуальные хозяйства – на 30 коп. За перевыполнение государственных плановых показателей производители получали за каждый пуд сданного сверх нормы хлеба товаров на 40 коп. [31]. Однако если сопоставить эти данные с ценами указанного периода, которые приведены ранее, имел место неэквивалентный обмен между производителями аграрной продукции и государством. Государству было выгодно, используя низкие закупочные цены, получать дешевую сельскохозяйственную продукцию, но такая система разоряла крестьян, вынуждая их работать в ущерб своим интересам. Кроме того, следует обратить внимание, что при распределении товарных фондов хлебозаготовительной компании доминировал принцип дифференцированного подхода: колхозники имели преимущества по сравнению с единоличниками, при получении товаров колхозники, батраки и бедняки снабжались в первую очередь и на 25-30 % больше, чем единоличники [32].

Зачастую планы завоза товаров для заготовок продукции сельского хозяйства не выполнялись. Так, в 1933 г., в период подготовки к посевной, руководство Восточно-Сибирского края вынуждено было констатировать тот факт, что в целом план поступления товарных фондов по 12-ти «планируемым товарам» Крайпотребсоюзом выполнен всего на 74,9%, из них по соли – на 17,4%, по спичкам – на 21,8%, по табаку товаров – на 18,5% [33]. В 1934 г. в восточносибирском регионе реализация товаров хлебозаготовительного фонда составила: в Заларинском районе 27,8%, Иркутском 58,9%, Братском 40% [34]. Невыполнение плана снабжения было связано с совокупностью причин: во-первых, основная часть товарного фонда в первую очередь направлялись в основные зерновые районы, которые раньше вступили в посевную кампанию, Сибирь снабжалась исходя из оставшихся ресурсов [35]. Во-вторых, руководство железных дорог несвоевременно отправляло грузы с товарами в регионы. Как было сказано в одном из отчетов Крайкома Красноярского края, трудности с транспортировкой возникли в связи с тем, что «грузовая служба ж/д слишком узко понимает номенклатуру посевных грузов, считая, что это сельскохозяйственные машины и запчасти к ним, и отказывались принимать целый ряд грузов, необходимых колхозникам (посуда, кондитерские изделия, махорка и др.) [36]. В-третьих, зачастую товарные ресурсы использовали на местах не по назначению. К примеру, в Красноярском райпотребсоюзе в 1935 г. сельское население, сдавшее хлеб на 50 тысяч рублей, не получило товарного возмещения, поскольку часть товаров, предназначенных для поставщиков сельскохозяйственной продукции, торговые работники присвоили себе, другую часть отправили в соседние торговые организации [37]. В-четвертых, плохо была организована транспортировка товаров из межрайонных баз в районы, что было связано с низким уровнем материально-технического состояния транспортной системы региона. В-пятых, часто товары не выкупались райпотребсоюзами из-за финансовых трудностей: отсутствия у них оборотных средств [38].

Недовольство сельского населения товарным дефицитом и неудовлетворительной работой торговых организаций в вопросах обеспечения сельского потребителя необходимыми товарами ставило под угрозу выполнение плана аграрных заготовок. В целях пресечения срыва выполнения плановых показателей действующим уголовным законодательством были установлены суровые наказания за невыполнение государственных заданий по заготовке сельскохозяйственной продукции. Так, в ст. 61 УК РСФСР за отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение, в первый раз был предусмотрен штраф в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания, повинности или работы; во

второй – лишение свободы или исправительно-трудовые работы на срок до одного года [39].

Обсуждение. Представленный в научной статье анализ государственной политики заготовок сельскохозяйственной продукции в Сибири в 1930-е гг. позволяет сделать вывод, что для ее реализации активно использовались методы стимулирования и принуждения. Стимулирование заготовок продуктов аграрного производства предусматривало снабжение сельского населения дефицитными товарами при условии выполнения обязательств по выполнению государственных планов заготовок. Реализация указанного метода напрямую зависела от экономических возможностей государства, которые в области торговли и снабжения сельского населения были весьма ограничены. Учитывая объективные причины сокращения выпуска товаров народного потребления и приоритетное распределение товарной массы среди населения, обеспечивающего индустриализацию в стране, очевидно, что перебои в снабжении товарами промышленного производства населения, осуществляющего заготовки в условиях данной политики, были неизбежны. Использование принудительных методов: установление твердых норм обязательных государственных заготовок и суровые наказания за невыполнение обязательств –оказались эффективными инструментами, обеспечивающими стабильное получение государством необходимых объемов сельскохозяйственной продукции.

Выводы и дискуссионные вопросы. Таким образом, заготовка сельскохозяйственной продукции в 1930-е гг. в Сибири осуществлялась на основе урало-сибирского метода и обязательств контрактации (которая впоследствии была вытеснена системой обязательных государственных заготовок). На государственную торговлю и снабжение была возложена задача товарного обеспечения производителей сельскохозяйственной продукции. Распределение товарной массы было дифференцированным: колхозники имели возможность получать больший объем товарной массы по сравнению с единоличниками. Нормы снабжения дефицитными товарами могли лишь в незначительной степени удовлетворить спрос сельского населения. Дефицит товаров был обусловлен низким удельным весом товарного фонда для заготовительной кампании и хроническим невыполнением плана поставок. Существующая система торговли и снабжения, ориентированная только на потребности государства, привела к снижению уровня жизни сельского населения.

Библиографический список

1. Ильиных, В. А. Хлебозаготовки в Сибири в 1930-е годы [Текст] / В. А. Ильиных, В. Б. Лапердин. – Новосибирск: СО РАН, 2020. – 507 с.
2. Зеленин, И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939 : политика, осуществление, результаты [Текст] / И. Е. Зеленин. – Москва : Наука, 2006. – 315 с.
3. Лапердин, В. Б. Взаимоотношения Центра и руководства Западно-Сибирского крайкома по вопросу хлебозаготовок 1931/32 г. [Текст] / В. Б. Лапердин // Гуманитарные науки в Сибири. – 2016. – № 2, Т. 23. – С. 89-93.
4. Ильиных, В. А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта [Текст] / В. А. Ильиных // Гуманитарные науки в Сибири. – 2006. – № 2. – С. 20–26.
5. Постановление СНК СССР от 07.10.1929 «О контрактации продуктов сельского хозяйства» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26167#QADBpeT4BQxufeYm> (дата обращения: 11.05.2023).

6. Постановление Совета народных комиссаров от 18.08.1930 г. «О мерах по улучшению работы потребительской кооперации» // СЗ СССР. – 1930. – № 43. – ст. 447.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р – 2252. Оп. 1. Д. 2. Л. 16-17, 18, 38-43.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 845. Л. 15-23.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 845. Л. 15-23.
10. Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932. – Москва, Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1932. – 669 с.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО) Ф. Р – 123. Оп. 1. Д. 456. Л. 105.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 410. Оп. 1. Д. 92. Л. 62.
13. Осокина, Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения [Текст] / Е. А. Осокина. – Москва : Изд-во МГОУ, 1993. – 144 с.
14. Дефицитные товары сдатчикам шерсти, молока, яиц, льна и пеньки [Текст] // Красноярский рабочий. – 1930. – 10 августа. – № 177. – С. 4.
15. ГАКК. Ф. 59. Оп. 1. Д. 720. Л. 19.
16. ГАКК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 707. Л. 10.
17. ГАКК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 808. Л. 57.
18. Только одна треть посевов единоличников законтрактирована // Советская Сибирь. – 1930. – № 103. – 7 мая. – С. 1.
19. ГАКК. Ф. 96. Оп. 1. Д. 808. Л. 57.
20. Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП (б) «Об обязательных поставках зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами из урожая 1933 г. На основе закона от 19 января 1933 г.» // СЗ СССР. – 1933. – № 38. – Ст. 228.
21. ГАКК. Ф. Р – 1478. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1.
22. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 1. Д. 728. Л. 21.
23. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7971. Оп. 2. Д. 113. Л. 83.
24. ГАИО. Р – 602. Оп. 1. Д. 166. Л. 125.
25. ГАИО. Ф. Р – 123. Оп. 1. Д. 430. Л. 158.
26. ГАИО. Ф. Р – 2526. Оп. 1. Д. 8. Л. 25.
27. ГАКК. Ф. Р – 1487. Оп. 1. Д. 1152. Л. 1.
28. ГАКК. Ф. Р – 1487. Оп. 1. Д. 1152. Л. 4.
29. ГАКК. Ф. Р – 1478. Оп. 1. Д. 1152. Л. 5.
30. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 1. Д. 204. Л. 134.
31. РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 493. Л. 13.
32. ГАИО. Ф. Р – 2526. Оп. 1. Д. 8. Л. 28.
33. ГАИО. Ф. Р – 123. Оп. 1. Д. 430. Л. 159.
34. Доклад председателя оргкомитета ВЦИКа т. Зимина о хлебозаготовках на краевом совещании секретарей райкомов ВКП (б) [Текст] // Красноярский рабочий. – 1930. – 18 сентября. – № 208. – С. 3.
35. ГАИО. Ф. Р – 123. Оп. 15. Д. 276. Л. 8.
36. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 1. Д. 580. Л. 25.
37. Жулики и самоснабженцы разоблачены // Красноярский рабочий. – 1935. – 25 апреля. – № 88. – С. 3.
38. ГАИО. Ф. Р – 123. Оп. 1. Д. 430. Л. 158, 159.
39. Уголовный Кодекс РСФСР: Введен в действие с 1 января 1927 года постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 года // СУ. – № 80. – ст. 600.

References

1. Ilyinykh, V. A., Laperdin, V. B. (2020). Grain procurements in Siberia in the 1930s. Novosibirsk : SB RAS, 507 (in Russian).
2. Zelenin, I. E. (2006). Stalin's "revolution from above" after the "great turning point". 1930-1939 : policy, implementation, results. Moscow : Nauka, 315 (in Russian).
3. Laperdin, V. B. (2016). The relationship of the Center and the leadership of the West Siberian Regional Committee on the issue of grain procurements in 1931/32. *Humanities in Siberia*, 2(23), 89-93 (in Russian).
4. Ilyinykh, V. A. (2006). Ural-Siberian method of grain procurement: the search for the optimal option. *Humanities in Siberia*, 2, 20-26 (in Russian).
5. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of 07.10.1929 "On contracting agricultural products" [Electronic source]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=26167#QADBpeT4BQxyfeYm> (Date of access: 05.11.2023).
6. Resolution of the Council of People's Commissars of 18.08.1930 "On measures to improve the work of consumer cooperation". *SZ USSR*, 1930, No. 43, article 447 (in Russian).
7. The State Archive of the Krasnoyarsk Territory (GACC). F. R – 2252. Op. 1. D. 2. L. 16-17, 18, 38-43 (in Russian).
8. The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Op. 3. D. 845. L. 15-23 (in Russian).
9. RGASPI. F. 17. Op. 3. d. 845. L. 15-23 (in Russian).
10. National economy of the USSR. Statistical Handbook 1932. Moscow, Leningrad : State Socio-Economic Publishing House, 1932, 669 (in Russian).
11. The State Archive of the Irkutsk region (GAIO) F. R – 123. Op. 1. D. 456. L. 105 (in Russian).
12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 410. Op. 1. D. 92. L. 62 (in Russian).
13. Osokina, E. A. (1993). Hierarchy of consumption: About the life of people in the conditions of Stalin's supply. Moscow : Publishing House of Moscow State University, 144 (in Russian).
14. Scarce goods to deliverers of wool, milk, eggs, flax and hemp. *Krasnoyarsk worker*, 1930, August 10, No. 177, 4 (in Russian).
15. GAKK. F. 59. Op. 1. D. 720. L.19 (in Russian).
16. GAKK. F. 10. Op. 1. D. 707. L.10 (in Russian).
17. GAKK. F. 96. Op. 1. D. 808. L. 57 (in Russian).
18. Only one third of the crops of sole proprietors are contracted. *Soviet Siberia*, 1930, No. 103, May 7, 1 (in Russian).
19. GAKK. F. 96. Op. 1. d. 808. L. 57 (in Russian).
20. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the CPSU (b) "On mandatory supplies of grain to the state by collective farms and individual farms from the harvest of 1933 On the basis of the law of January 19, 1933". *SZ USSR*, 1933, No. 38, article 228 (in Russian).
21. GAKK. F. R – 1478. Op. 1. D. 1152. L. 1 (in Russian).
22. GAKK. F. P – 26. Op. 1. D. 728. L. 21 (in Russian).
23. Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 7971. Op. 2. D. 113. L. 83 (in Russian).
24. GAIO. P – 602. Op.1. D.166. L. 125 (in Russian).
25. GAIO. F. R – 123. Op. 1. D. 430. L. 158 (in Russian).
26. GAIO. F. R – 2526. Op. 1. D. 8. L. 25 (in Russian).

27. GAKK. F. R – 1487. Op. 1. d. 1152. l. 1 (in Russian).
28. GAKK. F. R – 1487. Op. 1. D. 1152. L. 4 (in Russian).
29. GAKK. F. R -1478. Op. 1. D. 1152. L. 5 (in Russian).
30. GAKK. F. P – 26. Op. 1. D. 204. L. 134 (in Russian).
31. RGAE. F. 5240. Op. 9. D. 493. L. 13 (in Russian).
32. GAIO. F. R – 2526. Op. 1. D. 8. L. 28 (in Russian).
33. GAIO. F. R – 123. Op. 1. D. 430. L. 159 (in Russian).
34. Report of the Chairman of the Organizing Committee of the VTSIK T. Zimin on grain procurements at the regional meeting of the secretaries of the district committees of the CPSU (b). Krasnoyarsk worker, 1930, 18 September, No. 208, 3 (in Russian).
35. GAIO. F. R – 123. Op. 15. D. 276. L. 8 (in Russian).
36. GAKK. F. P – 26. Op. 1. D. 580. L. 25 (in Russian).
37. Crooks and self-sufferers are exposed. Krasnoyarsk worker, 1935, April 25, No. 88, P. 3 (in Russian).
38. GAIO. F. R – 123. Op. 1. D. 430. L. 158, 159 (in Russian).
39. The Criminal Code of the RSFSR: Put into effect on January 1, 1927 by the decree of the Central Executive Committee of November 22, 1926. SU, No. 80, article 600 (in Russian).